

2

Линка с Олькой сидели на скамейке у ее двора, плевались, как обычно, семечками.

— Ну как загоралось? — спросили они хором, едва заметив Веронику.

— Нормально. Зря вас не было.

— Что-то ты долго. Аж до темна. Мы уже думали, что ты утопла, или рыбака какого встретила, — захихикала Линка.

— Бабка твоя запарила. «Где гулена, где гулена?» Щас тебе бу-у-удет, — пропела Олька.

— Уснула я, — сказала Вероника, — живот спекла, горит весь. Пойду смажу чем-нибудь.

— Выйдешь?

— Не-а. Поем и спать лягу.

— На речке спала и снова спать. Что-то ты темнишь, подруга. А ну давай, колись, — Линка вскочила и схватила ее за руку. — Ой, а рука-то горячая.

Тут же вскочила и Олька:

— Дай голову...

И прикоснувшись губами к Вероникиному лбу заголосила:

— Да у тебя же температура! Вот. Я же говорила, что холодно еще загорать. И земля сырая. Ты хоть не купалась?

— Нет, вроде...

— Вроде. Странная ты какая-то. Иди, лечись. Таблетки-то от температуры есть? А то я сбегаю домой, принесу.

— Есть, Лин. Спасибо. Ну ладно, я пойду. Пока, девки.

Вирус, прицепившийся к Линкиной ладони, спустя несколько минут вместе с очередной семечкой оказался на языке девушки, вошел сквозь небольшую ранку в кровь и понесся с ней, размножаясь, сканируя организм, закрепляясь в местах, благоприятных для создания колоний.

Второй, сразу же оказавшийся на нижней, обветренной губе Ольги, начал это делать еще раньше.

— Вообще-то не так уж и холодно сегодня. Скажи? — проговорила Олька, едва за Вероникой захлопнулась калитка.

— С утра было прохладно. Хорошо, что ты вернулась. А то бы тоже простудилась.

— А может, и не простудилась бы. Они ведь, городские, хлипкие.

— Да. Сюда только на выходные приезжает да на каникулы. И то только на летние... С другой стороны, а че ей тут зимой у нас делать? Бабкин черно-белый телевизор с двумя программами смотреть?

— И то правда. А знаешь, Линка, у меня дома теперь видак есть. Отец купил за мед. Вчера с Васькой привезли из города. Важные. Перешептываются. Нам с мамкой и посмотреть не дали. Заперлись в гостиной, сами смотрели что-то. А нам сказали: «Бабам не положено».

— Порнуху они смотрели, вот что. Ночью у родителей кровать скрипела?

— Скрипела...

— Точно, порнуху. Батя твой насмотрелся. На мамку потянуло. А Васька, наверное, вручную обошелся, — Линка уже готова была зайтись громким хохотом, но неожиданно осеклась. —

Темно совсем. Может, по домам?

— Это Юрка Марьин, скорее всего, лампочку из рогатки разбил. Гад. Задать бы ему.

— Ему задашь. Вот еще год пройдет, он сам тебя поймает где-нибудь в безлюдном месте или вот в такой темноте, наклонит и задаст по самое некуда. Представляешь, он мне недавно пятьдесят рублей давал, чтобы я ему между ног показала. « Я, говорит, бесплатно сквозь дырку в вашем туалете уже на тебя насмотрелся. Но сквозь нее только зад твой толстый и видно».

— Ну а ты что? — машинально спросила Ольга, несколько секунд назад почувствовавшая, как рука подруги опустилась на ее правое колено и начала медленное ползти влево и вверх.

— Что-что. Накостыляла по шее. Скажи, разве у меня толстый зад?

— Н-нет, н-не т-тостый, — дрожащим голосом ответила Ольга, потому что ладонь Линки уже достигла критической точки, и нужно было либо вставать и уходить, либо уступать и медленно раздвигать ноги. Неожиданно для себя девушка выбрала второе.

— Ты что, замерзла? А еще «не холодно»! Говорю же, пора по домам, — сказала Линка и тут же поняла, что Олька домой не собирается. Рука подруги опустилась на ее правое колено и начала медленное ползти вправо и вверх. «Наверное, после мужиков тоже порнуху смотрела. Ну-ну. Что дальше? Бесстыжая».

— Д-давай еще немного п-поси-и-дим, — простионала Ольга. Средний палец Линкиной руки нажимал на трусы, словно на кнопку звонка, как раз в том месте, под которым эта кнопка и находилась.

«Бесстыжая тварь. Врезать, что ли, по харе», — думала Линка, в свою очередь раздвигая колени. Пальцы подруги барабанили спереди по трусам, убыстряя темп и увеличивая силу ударов.

Вскоре обе руки начали действовать синхронно, заставляя девушек дышать в одном ритме, одинаково постанывать и одновременно вскрикивать. Даже треск сорванных трусов слился в один звук. Когда средние пальцы оказались у них внутри, девушки одновременно удивились их размерам, когда добавились указательные — обрадовались их подвижности, одновременно почувствовали агрессивность вошедших безымянных, когда пришли большие и мизинцы — вместе ощутили сожаление, что эти пальцы — последние, следующих — шестых — немного испугались, а когда вошли седьмые, почему-то облегченно вздохнули и, наконец, смогли забыться.

С каждым новым прибыванием их ноги раздвигались все шире и шире, пока, наконец, левое колено Ольки и правое Линки не встретились в темноте, упершись друг в друга, словно два горных барана, не желающих уступать дорогу.

(Продолжение следует)